

МИШЕЛЬ ФУКО КАК МЫСЛИТЕЛЬ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

© Д. В. Михель

Михель
Амитрий Викторович
доктор философских наук,
профессор
Саратовский
государственный университет

В статье обсуждается особенность роли Мишеля Фуко как интеллектуала в рамках современной философской и гуманитарной мысли, его вклад в развитие таких направлений, как история наук о человеке, гендерные исследования, критическая и социальная история медицины, история науки и других. Рассматривается вопрос о том, как наиболее полно и аутентично воспринимать творческое наследие французского мыслителя, вся жизнь которого была опытом преодоления институциональных границ и дисциплинарных ограничений.

Ключевые слова: Фуко, Коллеж де Франс, «Слова и вещи», история наук о человеке, критическая история психиатрии, социальная история медицины, феминизм, гендерные исследования, социальная природа знания.

Обладатель двух дипломов — философа и психопатолога — Мишель Фуко вошел в историю мысли как один из самых востребованных интеллектуалов второй половины XX в., чья профессиональная идентичность давно уже перестала поддаваться определению. Представители самых разных социально-гуманитарных специальностей рассматривают его как своего коллегу, хотя и довольно странного, поскольку Фуко никогда не был в полной мере ни философом, ни психологом, ни историком, ни социологом. Ему выпало быть своего рода кочующим интеллектуалом, который перебирался из города в города, с континента на континент, читая свои необычные по содержанию лекции, давая всегда очень актуальные интервью, создавая книги, из которых ни одна не похожа на другую.

Последние полтора десятилетия своей преподавательской карьеры Фуко провел в роли лектора в знаменитом Коллеж де Франс, где он, как и другие профессора, каждый год читал все новые и новые циклы лекций, чья тематика не была связана ни с какой конкретной гуманитарной или социальной наукой, но в серьезной мере затрагивала все их. Он занял кафедру Истории систем мысли, будучи поддержан Ассамблеей преподавателей Коллежа, увидевшей в конце 1960-х гг. в его лице наиболее подходящую кандидатуру для работы в этом престижнейшем центре научной мысли Парижа. И этот выбор не стал ошибкой: Фуко, и без того уже популярный на протяжении 1960-х гг., в течение 1970-х и начале 1980-х стал подлинным живым кумиром тысяч и тысяч образованных слушателей и читателей по всему миру. Вследствие этого весь оставшийся отрезок своей жизни Фуко был вынужден провести в разъездах, читая лекции в разных странах — от Японии до Бразилии.

Сегодня, когда почти все главные работы Фуко переведены на русский язык, а его интеллектуальное наследие стало доступно и рядовым читателям нашей страны, настало время в очередной раз оценить его творческий вклад в развитие современной мысли. Образ Фуко, как и его мысль, стали более сложными, чем они представлялись два десятилетия назад, когда российская аудитория была знакома едва ли не с единственной его большой работой, переведенной на русский, — «Слова и вещи» (1977).

С легкой руки Натальи Автономовой, которая вместе с Виктором Визгиным выступила переводчицей этой книги и главным интерпретатором творчества Фуко в СССР в 1970-е и 1980-е гг., сложилась традиция выделять в этом творчестве три этапа¹: первый — «археологический», когда Фуко занимался «откапыванием» скрытых пластов-эпистем в развитии тех или иных дисциплин, второй — «генеалогии власти», связанный с переключением внимания Фуко на вопросы политики и технологий управления, третий — «эстетики существования», когда он перенес внимание на так называемую историю субъекта и некоторые практики, сопутствующие этой истории.

Такую трактовку творчества Фуко нельзя назвать ошибочной, но ее нельзя считать и абсолютно удачной. Схватывая самые важные вехи его жизни и наиболее ключевые проблемы его работы, она все же не достигает главного — способности уловить исходную многогранность творчества Фуко как мыслителя и автора многочисленных работ. Ниже мы попробуем, в меру сил, разумеется, дать другой, возможно, более адекватный взгляд на феномен, именуемый творчеством Мишеля Фуко. Понять же этот феномен, на наш взгляд, можно, лишь отдавая себе отчет в том, что наследие Фуко было и остается своего рода открытой динамичной системой, энергия которой еще не исчерпана. Говоря в духе Ницше, свет этой звезды все еще идет к нам, хотя сама она уже давно погасла.

¹ Это была не единственная трактовка идей Фуко в СССР. Такие исследователи, как М. К. Рыклин, С. В. Табачникова и В. А. Подорога, еще в 1980-е гг. пытались представить другие оригинальные прочтения его работ, но все они были, пожалуй, слишком фрагментарные.

* * *

Известно, что Фуко начал с изучения проблемы становления современной психиатрии и попыток понять, какое место занимает психическая болезнь в рамках современного общества. Этой проблеме он посвятил целую серию своих работ 1950-х и 1960-х гг., из которых на русский язык была переведена только одна, причем самая поздняя и самая значительная — «История безумия в классическую эпоху» (1972, пер. на рус. язык — 1997). Он был подвигнут к анализу этой проблемы целым рядом обстоятельств — и особенностью своей профессиональной подготовки, и опытом работы в качестве психолога в парижском госпитале Святой Анны, и личными особенностями характера². Не порывая никогда с интересом к проблеме соотношения нормы и патологии, власти психиатрического знания и дисциплинирующего контроля, Фуко в дальнейшем вышел далеко за пределы этой области.

В этом движении за пределы критической истории психиатрии Фуко с легкостью пересек сразу несколько дисциплинарных границ, что позднее дало повод другим исследователям начать свой собственный пересмотр той работы, которую они выполняли в рамках своих дисциплинарных занятий.

В частности, в 1966 г. в Париже была издана его знаменитая книга «Слова и вещи», чья публикация произвела настоящий шок среди интеллектуалов во Франции³. Фуко превратился в харизматическую фигуру во Франции, о чем однозначно сказал Жан Валь, представляя его собранию Французского философского общества 22 февраля 1969 г., чьи представители прибыли в Коллеж де Франс, чтобы послушать его лекцию «Что такое автор?»: «Это “настоящий” Мишель Фуко — Фуко *Слов и вещей*, Фуко диссертации *О безумии*»⁴.

Книга Фуко «Слова и вещи» имела характерный подзаголовок, перевод которого на русский язык, безусловно, не удался. Для российских читателей перевод звучит как «археология гуманитарных наук», но этот перевод неудачен. По старой традиции, к гуманитарным наукам относятся, прежде всего, история и филология, но Фуко в своей книге говорит не о них, а об истоках других дисциплин, прежде всего психологии и социологии. Более верное их название — *науки о человеке*. Именно так Фуко и был понят в других местах. Переведенная на английский язык книга Фуко имела другое название *The Order of Things: An Archeology of Human Sciences* (1970), т. е. «Порядок мыслей. Археология наук о человеке»⁵.

² Foucault, M. Minimalist Self // Foucault M. Politics, Philosophy, Culture: Selected Interviews and Other Writings, 1972-1977. Ed. by L.D. Kritzman. New York: Routledge, 1988. P.5-6.

³ 29 мая 1966 г. парижская *L'Express* опубликовала первый восторженный отклик на «Слова и вещи». Он гласил, что появление книги ознаменовало «величайшую революцию со времен экзистенциализма». См.: Miller, J. E. The Passion of Foucault. New York: Simon and Schuster, 1993. P. 148.

⁴ Фуко, М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. С. 9.

⁵ Foucault, M. The Order of Things: An Archeology of Human Sciences. London: Tavistock Publications, 1970.

Наиболее внимательным читателем этой работы Фуко в англоязычном мире стал Роджер Смит, который увидел в этой работе исток для собственного исследования, посвященного истории наук о человеке⁶. Усиление интереса к истории наук о человеке среди западных историков науки привело к тому, что образовалась широкая группа исследователей, создавшая в 1987 г. Европейское общество истории наук о человеке. Его рупором стал журнал *History of the Human Sciences*, который с 1988 г. по сей день издается на базе университетов Бристолья и Дорхэма.

В известной мере, судьба наук о человеке является показателем того, насколько критичным к самому себе является современное общество, ведь именно науки о человеке предоставляют этому обществу тот язык, на котором оно говорит о себе и своих проблемах. Примечательно, что в англоязычном мире термин «науки о человеке» продолжает оспариваться по сей день. В 2003 г. такое солидное издание как «Cambridge History of Science» отвергло саму правомочность термина «науки о человеке» и предпочло ему термин «социальные науки», истории которых был посвящен 7-й том этой многотомной серии⁷.

Таким образом, «Слова и вещи», или книга Фуко об истоках наук о человеке, дала жизнь одному из влиятельных интеллектуальных направлений нашего времени — специализированным исследованиям в области социального знания, в особенности психологии и социологии.

* * *

Фуко по-разному оценивал свои собственные книги. Более всего он выделял «Слова и вещи» и «Надзирать и наказывать». Последняя из двух названных работ, по его словам, была посвящена уже не истории мысли, а истории «социальных институтов и принципов»⁸. Вышедшая в 1975 г. книга «Надзирать и наказывать» уже в 1977 г. появилась на английском языке в переводе Алана Шеридана⁹ под названием *Discipline and Punish: The Birth of the Prison*. В те же самые годы англоязычная аудитория получила переводы почти всех других работ Фуко и поэтому широко узнала его как ведущего критического мыслителя своего времени. Майкл Уолцер именно по этой причине занес его в перечень самых ведущих критических мыслителей нашего времени, получивших наименование «компании критиков»¹⁰.

Книга «Надзирать и наказывать» приобрела огромную популярность в самые короткие сроки. Заложенные в ней идеи, как и богатый эмпиричес-

⁶ Smith, R. The Fontana History of the Human Sciences. London: Fontana Press, 1997.

⁷ Porter T., Ross D. Introduction // Cambridge History of Science. Vol. 7. The Modern Social Sciences. Ed. by T. Porter, D. Ross. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. P. 2—3.

⁸ См., например: Фуко, М. Истина, власть и самость // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. С. 293.

⁹ Foucault, M. Discipline and Punish: The Birth of the Prison. New York: Pantheon, 1977.

¹⁰ Уолцер, М. Компания критиков: социальная критика и политические пристрастия XX века. М.: Идея-Пресс, 1999.

кий материал, подтолкнули исследователей в разных странах в очередной раз задаться вопросами о природе власти и ее скрытых механизмах. Без преувеличения можно сказать, что этой работой Фуко дал новый импульс развитию всей современной политической теории, а также работам, посвященным проблемам тюрьмы, школы, армии и другим дисциплинарным институтам. Проанализированный им образ тюрьмы-паноптикума, взятый из почти забытой работы британского философа-утилитариста Джереми Бентама, стал чем-то вроде политического символа современного западного мира, со всех сторон просматриваемого всевидящим оком власти и насыщенного тем, что Жан Бодрийяр назвал «прозрачностью зла»¹¹.

Известно, однако, что в тот же день, когда Фуко закончил свою работу «Надзирать и наказывать», он взялся за написание еще одной книги о технологиях власти. Она была написана в рекордно короткие сроки и вышла в свет уже весной 1976 г. Фуко назвал ее «Воля к знанию», предполагая начать с неё новую шеститомную эпопею об истории власти, знания и сексуальности. Известно также, что от этих замыслов он вынужден был отказаться, поскольку последующие события увлекли его в новом направлении. Более того, новая книга начала жить, кажется, своей собственной жизнью, не отвечая даже представлениям самого автора о ее назначении. В 1980 г. она появилась на английском языке под названием *The History of Sexuality I: An Introduction*¹².

Моментально книга привлекла к себе внимание широкой группы исследователей, вовлеченных в анализ проблем пола и социальной конструирования сексуальности. В США они были представлены преимущественно группой университетских феминисток, работающих на почве политической философии, истории и социальной теории. Так, Фуко стал классиком феминистской мысли и хрестоматийным автором курсов самых разнообразных гендерных исследований. Лишь с запозданием в этом качестве он был открыт и в России, где все поздние работы Фуко, посвященные проблемам сексуальности, теперь также относят к области гендерных исследований¹³.

При этом, вопреки интересу для самого Фуко, его исследования, посвященные так называемым «технологиям себя» и «эстетикам существования», не получили последующего развития у других специалистов. Второй и третий тома истории сексуальности также стали достоянием преимущественно области гендерных исследований, в частности исследований практик сексуальности и сексуальной морали в античности. Что касается важного для Фуко тезиса о том, что управление собственной сексуальностью является оплотом для развития этики, то он, пожалуй, остался совсем невостребованным современными интеллектуалами. Представляется, что причиной этого стала известному рода тривиальность данного представления.

Более сильным ходом мысли оказалась его идея о важности «управления собой», проиллюстрированная опять-таки в рамках последних двух

¹¹ Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла. М.: Добросвет, 2000.

¹² Foucault, M. *The History of Sexuality I: An Introduction*. New York: Vintage, 1980.

¹³ Ушакин, С. Фокусируя Фуко: феминистские дискуссии // Гендерные исследования. 2000. № 4. С. 177—202.

книг Фуко. Будучи связанной с более широкой проблематикой «управления», которую он развивал в своих лекциях в Коллеж де Франс второй половины 1970-х гг., связка проблем «управления» и «само-управления» нашла широкий интерес исследователей в сфере социальной политики. Придуманый Фуко в свойственной только ему манере термин «Govern-mentality»¹⁴ стал в скором времени обозначением целого корпуса вопросов, которым по сей день занимаются отдельные исследователи в разных странах¹⁵.

* * *

Возвращаясь к работам Фуко по критической истории психиатрии, полезно вспомнить, что его исследования с легкостью вписались в более широкую традицию изучения истории медицины, которая на рубеже 1970-х и 1980-х гг. стала переживать внутреннее обновление. Эти перемены были связаны с привнесением в рамки традиционной «медицинской истории» опыта социальной теории, в том числе социологии и социальной антропологии. Фуко оказался не современником этой трансформации, а одним из ее предшественников. Однако тот непростой разговор, который он начал в «Рождении клиники» (1963) и продолжил в серии своих более поздних статей¹⁶, позволяет его со спокойным сердцем зачислить в ряды наиболее читаемых авторов по социальной истории медицины.

Фуко не успел обсудить многих вопросов, касающихся развития отдельных медицинских специальностей. Однако то, что он сделал в плане анализа социальной гигиены, судебной психиатрии и, наконец, госпиталя, сделало его вклад в развитие современной истории медицины очень весомым. Именно по этой причине в списках литературы для обязательного прочтения студентами, изучающими историю медицины в западных университетах, его работы неизменно присутствуют уже много лет.

Фуко начал рассматривать медицину как социальный институт, обладающий возможностью дисциплинировать население через контроль над различными отклонениями от нормы. Медицина, по его мысли, стала подлинным фундаментом современной власти, которая состоит не в том, чтобы карать и отправлять на смерть, а обеспечивать жизнь на самом фундаментальном уровне. Изобретя еще один остроумный термин — «био-власть», Фуко дал повод некоторым исследователям всерьез взяться за изучение этого феномена в его привязке к истории медицины, психиатрии и сексуальности¹⁷.

¹⁴ См.: Фуко, М. Искусство государственного управления // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. Ч. 2. М.: Праксис, 2005. С. 183—211.

¹⁵ Burchell G., Gordon C., Miller P. (eds.) *The Foucault Effect: Studies in Governmentality*. London: Routledge, 1991; Dean, M. *Governmentality: Power and Rule in Modern Society*. London: Sage, 1999; Михель, Д. В. Власть, управление, население: возможная археология социальной политики Мишеля Фуко // Журнал исследований социальной политики. 2003. Т. 1. № 1. С. 91—106.

¹⁶ См. например: Фуко, М. Рождение социальной медицины // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / М. Фуко. Ч. 3. М.: Праксис, 2006. С. 79—108.

¹⁷ Hakosalo, H. *Bio-Power and Pathology: Science and Power in the Foucauldian Histories of Medicine, Psychiatry and Sexuality*. Oulu: University of Oulu, 1991.

* * *

Как уже было сказано, Фуко своими «Словами и вещами» дал импульс развитию истории наук о человеке. Однако он не остался в стороне и от интереса к более широкой области истории науки. Вслед за одним из своих более старших коллег во Франции Жоржем Кангиллемом он уделил достаточно внимание вопросам развития наук о живом, что отчасти контрастировало с более ярко выраженным интересом других историков науки к развитию физико-математического знания. Его «Слова и вещи» содержат в себе столь очаровательные пассажи об истории сравнительной анатомии, а «Рождение клиники» столь талантливо говорит о становлении патологической анатомии и патологической физиологии, что уже одних этих элементов многим исследователям достаточно, чтобы заносить идеи Фуко в ряд наиболее значимых для развития современной истории биологии¹⁸. Вместе с тем, Фуко сделал и более весомый вклад в развитие современной истории науки, проявив себя как изощренный методолог и аналитик истории знания. Он сделал это на страницах одной из самых сложных своих работ – «Археологии знания» (1969).

Словно предчувствуя начавшуюся трансформацию в рамках давно уже сложившейся области историко-научного знания, плоды которой созрели к началу 1980-х, Фуко едва ли не одним из первых заговорил о равноценности научного знания с другими его разновидностями. За несколько лет до того, как Барри Барнс и Дэвид Блур провозгласили свою «сильную эдинбургскую программу» в рамках истории науки, Фуко своим путем провел в жизнь принцип равноценности знаний. Он сделал это в форме развития проблематики дискурса, показав, что именно дискурсивные практики являются собой ту среду, которая дает жизнь всем идеям, как научным, так и тем, которые признаются в дальнейшем не-научными. При этом примечательно то, что Фуко не отождествил дискурс с языком, но стал рассматривать его как систему социальных правил, которым подчиняется язык в его употреблении, т. е., иначе говоря, как социально-культурный контекст научных идей.

Оставив свои медитации в области теории науки, продемонстрированные в «Археологии знания», Фуко в других своих работах никогда не оставлял без внимания вопрос о социальной природе знания, в особенности медицинского и психолого-педагогического, что позволяло ему самому иногда считать свои работы все новыми и новыми археологиями. По этой причине «Воля к знанию» для него становится чем-то вроде «археологии психоанализа»¹⁹, а «Надзирать и наказывать» с легкостью может быть названа «археологией криминологии».

* * *

В заключение можно сказать, что Мишель Фуко так и не пристал ни к одному из берегов современного знания, разделенного в социологическом

¹⁸ См.: Методические материалы для подготовки к кандидатскому экзамену по истории и философии науки (история биологии). Вып. 1 // ред.-сост. Э. И. Колчинский. М.: Янус-К, 2003. С. 68 и далее.

¹⁹ Фуко, Мишель. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет: пер. с франц. М.: Касталь, 1996. С. 237.

смысле на факультеты, кафедры и департаменты. Его статус пишущего интеллектуала и лектора, читающего оригинальные курсы в разных университетах, открытых новациям и педагогическим экспериментам, позволял ему с легкостью лавировать между уже сложившимися островами философской, социальной и гуманитарной мысли. В своем лавировании Фуко предстал чем-то вроде мощного крейсера, бросающего вызов менее оснащенным судам противника. Имея множество конкурентов в интеллектуальном мире, Фуко редко снисходил до открытого столкновения с ними. Он двигался в ином направлении, занятый собственными заботами, прозванный его другом и товарищем Жилем Делезом «архивариусом». Погруженный в книги, архивы, но также и в практическую политику, Фуко успел сделать очень многое за свою сравнительно короткую жизнь, оборвавшуюся в 1984 г., на 58-м году жизни. По оценкам современников, он успел побывать «марксистом», «маоистом», «структуралистом», «позитивистом», «левым», «историком настоящего», «постмодернистом» и пр., пр., не отождествив себя до конца ни с одним из этих определений. Свой для философов, политических философов, социологов, теоретиков социальной политики, литературоведов, феминисток, постмодернистов, даже историков школы «Анналов» третьего поколения, Фуко одновременно с этим оказался самым одиноким интеллектуалом второй половины XX века. Не все из его наследия опубликовано до сих пор, поскольку, согласно воле умершего, в свет должно было выйти лишь то, что было одобрено самим Фуко.

Написанные о Фуко Монбланы текстов давно уже образовали целую отрасль специального знания, которую следовало бы назвать Фуко-ведением. Непривычность этого названия для русского уха более удачно воспроизводит англоязычный термин, представленный на обложке нового журнала, который издается с декабря 2004 г., — *Foucault Studies*. В каком-то смысле это говорит о том, что мысль Фуко и сама по себе заслуживает внимания, вне всякой связи с другими проявлениями мысли. Кажется, это говорит о том, что мы имеем дело с еще одним интеллектуальным направлением современности.